

ТИХО и неспешно надвигался на нас юбилей самого великого писателя XX века. Михаила Александровича Шолохова. И, видимо, так же уйдет. Ни памятника русскому национальному гению в центре Москвы, ни нового шолоховского сериала, ни мировых премьер. Что-то из старого по телевидению, знакомые имена либералов, немало крови попивших из него при жизни и уже не один год на всех углах и письменно, и устно хулящих его сейчас.

В XX веке в России хватало крупных дарований в литературе. Михаил Булгаков и Владимир Набоков, Леонид Леонов и Максим Горький, Алексей Толстой и Константин Паустовский (ряд можно легко продолжить) – все эти крупные русские писатели писали об интеллигенции и для интеллигенции. Иногда для власти. Но никогда о народе и для народа. Писатели социального заказа, такие, как Александр Фадеев и Всеволод Вишневский (беру самых по-настоящему талантливых, иных – навалом), пробовали писать о вымышленном, преображенном советском народе. Михаил Шолохов будто бы и не писал, его образы возникают помимо письменного текста, как часть глубинной народной жизни. Он и был народным гением. Иных нет и не могло быть. Лишь кому-то одному дано свыше право создать навсегда народный эпос.

Я бы рядом поставил в прозе лишь Андрея Платонова, который своей корявой немотой, корявым простодушием еще раз уточняет шолоховские эпические откровения. Кстати, и герои “Поднятой целины”, от фанатика “мировой революции” Макара Нагульнова до Семена Давыдова и даже деда Щукаря близки своим пониманием мира платоновским героям “Котлована”. Да и сам Андрей Платонов по жизни был близок по характеру с Макаром Нагульновым, в то время как Михаила Шолохова я бы сравнил по характеру с Григорием Мелеховым.

Вот почему за правду своего героя автор дрался до конца даже с самим Сталиным. И – победил. Несмотря на давление Александра Фадеева, Алексея Толстого и Максима Горького. Литературного героя он, может быть, еще и поправил бы под таким мощным давлением и власти, и коллег по литературе. Хотя бы намекнув на его уход к большевикам. Себя поправлять Михаил Шолохов не желал ни при каких обстоятельствах. Он всю жизнь, как и его Григорий Мелехов, шел в своих действиях до конца, никогда и никому не сдаваясь, ни левым, ни правым. Так и остался с народом, своей жизнью в Вешенской дав пример и другим – Федору Абрамову, Валентину Распутину, Евгению Носову, Василию Белову...

То же и в поэзии, от Марины Цветаевой до Бориса Пастернака – все это прекрасная и великая поэзия для избранных любителей словесности. А наособицу только еще один народный русский гений – Сергей Есенин.

И на веку лишь два абсолютно народных русских гения – Михаил Шолохов и Сергей Есенин. Певцы во стане русского народа. Потому, естественно, такая зависть, такая ревность и к тому, и к другому как при жизни, так и после смерти. Большие писатели старались сдерживать свою ревность. Обходились в их адрес общими словами или едва заметным скептицизмом. Лишь в конце XX века эта ревность открыто прорвалась у Александра Солженицына. Думаю, очень уж старший земляк давил на него грузом “Тихого Дона”.

Впрочем, в каком-то смысле тяжесть “Тихого Дона” давила на всю русскую советскую литературу, так же как в свое время тяжесть “Войны и мира”. Слабые писатели стали старательно под копирку переписывать “Тихий Дон” или хотя бы “Поднятую целину”, создавая по всей стране, от Архангельска до Владивостока, свои областные варианты народного эпоса, сильные сражались по-своему, лишь обогащая русскую литературу. Что такое “Хождение по мукам” Алексея Толстого, “От двуглавого орла к красному знамени” Петра Краснова, “Жизнь Клима Самгина” Максима Горького, “Доктор

Живаго” Бориса Пастернака, как не еще одна попытка воссоздания народного эпоса?

Конечно же, влияние на русскую литературу XX века Михаил Шолохов оказал громаднейшее, более, чем кто-либо другой. Весь XX век русские писатели любых взглядов и направлений творили, оглядываясь на шолоховские глыбы. Если честно, то и Александр Солженицын как писатель вырос под явным влиянием творчества Михаила Шолохова. А “Красное колесо” – это не есть ли еще одна попытка создать заново русский эпос, переосмыслить тот же “Тихий Дон”? К такому творческому соревнованию я отношусь исключительно позитивно. Если бы весь спор с Шолоховым шел таким творческим образом, ничего, кроме пользы, русская литература бы не получила. В конце концов, а весь наш золотой девятнадцатый век не есть ли творческий спор между русскими гениями? Да и великая наша деревенская проза и окопная правда не возникла разве как продолжение народной эпопеи Шолохова?

Вот поэтому нет никакого преувеличения в том, что XX век называют веком Михаила Шолохова. Хотя рядом по своим тропинкам и просекам развивались иные литературные традиции – Булгакова и Зощенко, Андрея Белого и Алексея Ремизова, Набокова и Замятина. Всем хватало места. Но жизнь русского народа все-таки определялась, скорее, по “Тихому Дону” и “Поднятой целине”, нежели по “Белой гвардии”, “Золотому теленку” или же “Хождению по мукам”.

Его “Тихий Дон” вобрал в себя всю Россию, все ее народные переломы и трагедии, печали и надежды. Он настолько естественно и органично передал уклад жизни русского казачества, укрупнил этот уклад всечеловеческими мотивами любви и ненависти, добра и зла, что сделал его близким всему человечеству.

МОЖНО поражаться той стойкости, с которой Михаил Шолохов отстаивал перед цензорами и редакторами своих героев. Но если увидеть в них, в Григории Мелехове и Аксинье, в Мишке Кошевом и Прохоре Зыкове, в Митьке Коршунове и Ильиничне, в купце Мохове и сотнике Листницком не только казаков и жителей отдельной станицы, не только яркие типы казачества, но и всю сдвинувшуюся с места Россию, все ее прошлое и будущее, мы поймем, что с “Тихим Доном”, наконец, Россия получила свой законченный национальный миф. Свою “Калевалу”, свою “Илиаду”.

Для меня продолжением этого национального мифа, во всей полноте представляющего и русскую историю XX века, и галерею русских национальных характеров, стала “Поднятая целина”, абсолютно незаслуженно задвинутая в тень даже защитниками таланта Михаила Шолохова. Уверен, пройдет время, уйдут в прошлое все мелкие идеологические споры, и новые читатели прочтут “Поднятую целину” уже как высшую народную национальную правду тридцатых годов. Как в “Тихом Доне” писатель Шолохов не был ни белым, ни красным, увязывая казачьи интересы с русскими национальными интересами и с присущей ему социальной справедливостью, так и в “Поднятой целине” Михаил Шолохов остается со своим народом. Пусть за “Тихий Дон” его кто-то считал чересчур белым, пусть за “Поднятую целину” его, наоборот, посчитали красным, он был всегда русским национальным писателем. За это, думаю, его и ненавидели со всех сторон.

КОГДА станет очевидной уже неполитизированная художественная правда “Поднятой целины”, улягутся поневоле и последние мелкие споры об авторстве “Тихого Дона”. Для этого надо всего лишь принять правду о двух великих книгах. Или и “Поднятую целину” спешно кому-нибудь еще отдадим?

Эй, кто там еще не утихомирился? Возьмите и напишите свою “Поднятую целину” хотя бы о нынешнем времени, с такими же яркими национальными характерами. Что-нибудь равное ей можно поставить в прозе советского времени о колхозной деревне? И разве Лушка и Варюха-горюха уступают по яркости изображения Аксинье и Наталье? Нет уже в “Поднятой целине” Григория Мелехова или героя, подобного ему, но и здесь

великий писатель прав, таких, как Мелехов, уже и по жизни не должно было быть в станице тридцатых годов. Или в эмиграции, или в могиле, или в сибирской ссылке. Но это уже другая проза и другая правда. Каждое время рождает своих героев, у каждого времени свои радости и трагедии.

Он и сам – Михаил Александрович Шолохов – великий русский национальный миф. Такой же, как Шекспир и Данте, Сервантес и Руставели.

Замыслом великого “Тихого Дона” он опередил и свое время, а может быть, и не просто дал в руки Сталину самое мощное для народа оружие против троцкизма, но и внедрил своей книгой в сознание вождя саму идею поворота к государственному строительству, к национально-большевистской концепции власти. Без всякой идеологической окраски, с природной художественной цельностью “Тихий Дон” вел своего читателя к народному единению, русскому соборному возрождению общества.

Иосиф Сталин спас не только роман “Тихий Дон”, предложив к печати крайне острую третью книгу эпоса, посвященную восстанию казаков, несмотря на многочисленные протесты своего окружения, в том числе и литературного. Он спас самого Шолохова от ареста и гибели.

Кстати, интересно, а если бы тогда, в 1937 году, не удалось Шолохову чудом тайно выехать в Москву, если бы он был арестован и мгновенно уничтожен (как не раз бывало в те времена), что бы сейчас писали все шолоховские враги? Пользовалась бы тогда успехом эта нагло раскрученная, насквозь лживая версия о мнимом авторстве? Или к жертве 1937 года наши либералы и западники отнеслись бы бережливее? Во всяком случае, эта подробно описанная история с его возможным арестом, во-первых, подтверждает, что, увы, и в 1937 году, минуя Сталина, на местах творилось немало беззаконий, с ним никак не связанных. А во-вторых, меня поражает мистическое предчувствие вождя будущей истории России. Поражает его глубинное понимание литературы, которого напрочь лишены политики нынешнего времени. Сталин встречался с писателями и читал новые книги гораздо чаще, чем кто-либо другой из его последователей в российском руководстве. По крайней мере, он, несомненно, первым разглядел национальное величие “Тихого Дона”.

В каком-то смысле шолоховский эпос – это и вечная история России с ее стремнинами и водоворотами, с ее плавным течением, безмерной ширью и резкими разворотами своей судьбы.

Так начинается великий эпос: “В предпоследнюю турецкую кампанию вернулся в хутор казак Мелехов Прокофий. Из Туретчины привел он жену – маленькую, закутанную в шаль женщину... Пленная турчанка сторонилась родных Прокофия, и старик Мелехов вскоре отделил сына. В курень его не ходил до смерти, не забывая обиды...”

СРАЗУ, с самого начала романа все беды и горести обрушиваются на семью Мелеховых, турчанку забивают земляки до смерти, видя в ней виновницу падежа скота. Прокофий, отсидев двенадцать лет на каторге за убийство батарейца Люшни, взбаламутившего народ на турчанку, вернулся в родной хутор, стал растить сына Пантелея. Потом уже и пошли по хутору диковато-красивые турецко-казачьи казаки Мелеховы. Не таков ли и финал эпоса: Григорий Мелехов, вернувшийся из банды, бородатый и страшный на вид, встречает своего сына Мишатку.

“Потом Григорий взял на руки сына... Что ж, вот и сбылось то небольшое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына. Это было все, что осталось у него в жизни. Что пока еще роднило его с землей и со всем этим огромным, сияющим под холодным солнцем миром”.

Прокофий с маленьким Пантелеем в начале романа, Григорий с маленьким Мишаткой в самом конце. Конец становится началом, начало определяет конец. Так закольцовывается великий русский эпос. Так закольцовывается вся русская история.

ИКАК БЫ печально ни сложилась судьба в будущем у Григория (а судя по судьбе прототипа Мелехова Харлампия Ермакова, хорошей она уже быть не могла), рос Мишатка уже в новой жизни, в новом окружении, в новой действительности, с дядей Мишей Кошевым, и с ним росла новая советская Россия. И дай Бог Мишатке, будущему воину, уцелеть в Великой Отечественной войне. Так один виток за другим идет живая история России. И как бы трагически ни заканчивался очередной виток истории, но хватает лишь одного Мишатки или Пантелея, чтобы зарастало прошлое с кровью и обидами, и росло новое, с новой, вечно возрождающейся Россией. В этом я вижу отнюдь не трагический, а жизнеутверждающий финал романа. Может, и сейчас, после всех трагических перестроечных лет где-нибудь в донской степи шагает усталый Григорий или Михаил, вконец разоренный этим сволочным перестроечным временем, а с ним шагает, пристраиваясь к ритму его шагов, маленький Севочка или Дениска, которым история уже отмеряет новый виток времени в третьем тысячелетии.

Так же как Григорий, пройдя Первую мировую и Гражданскую, не мог по характеру своему стать однозначно ни красным, ни белым, так же сынишка его Мишатка, из славного рода Мелеховых, не мог бы, я думаю, отсидеться от бурь, поджидающих и его самого и его народ, и, надеюсь, вернулся бы героем с фронтов в 1945-м. И вновь впереди были бы друзья и подруги, Аксины и Натальи, генералы и чиновники. И вновь русский народ пробовал бы жить своей жизнью, по возможности обходя чужую для нее власть. Лишь изредка соприкасаясь с ней на праздниках и в дни тяжелых испытаний.

А Тихий Дон течет себе и течет. И казаки свято чтят наряду с Библией свой родной эпос “Тихий Дон”. Оберегая память о великом писателе от всех грязных наветов. Вместе с ними память о Шолохове и его героях, таких вольных и яростных, таких непримиримых и мужественных русаков, чтят и все русские люди. Он стал одним из подлинных символов русскости в ее самом чистом, возвышающем духовном смысле. Он сражался за Родину!

http://www.sgazeta.ru/2005/05_26/index.files/page0015.htm